

завещаний, бракоразводные дела и дела, связанные с дорожно-транспортными нарушениями). Из этих почти 2,8 млн дел только в 1049 делах решения выносились присяжными и в 4348 делах решения выносил судья. Это означает, что до суда дошло менее 0,2% дел. Далее — в 9,9% случаев стороны достигли досудебного мирового соглашения, и 1,2% дел были решены через переговоры с помощью выбранного или назначенного арбитра или посредника-медиатора. Таким образом, 90% дел не решаются никак — ни через суд присяжных, ни через суд, в котором решение принимает судья, ни через соглашение сторон, ни через арбитраж. Что же происходит с такими нерешенными делами?

Нередко исчезают причины, по которым был вчинен иск, — сосед перестает гулять по клумбе истца, ревнивый бойфренд находит другую девушку и оставляет истцу в покое, главный свидетель умирает и т.д. В таких случаях истцы просто перестают заниматься делом, прекращают платить адвокатам, и дело затухает само собой, поскольку пропущены сроки для подач тех или иных ходатайств и т.д. Другие истцы на каком-то этапе процесса начинают понимать, что судебный мир сложен, непредсказуем, а главное, жизнь в нем дорога. Как говорится, «колеса правосудия крутятся медленно...». И, как многим известно, «не всегда в нужную сторону».

Дороговизна ведения гражданских дел заставляет многих потенциальных истцов подумать над тем, следует ли вообще затевать судебный процесс. А ответчики часто вместо того, чтобы сражаться до конца, предпочитают заплатить требуемую истцом сумму, потому что судебные расходы могут ее превысить. В штате Флорида существует любопытный закон, который устанавливает, что если судебное решение устанавливает сумму компенсации менее 25% от предложенной одной из сторон до суда, то гонорар за юридические услуги присуждают адвокату той стороны, которая предложила такую сумму, будь то истец, который согласился ее принять в погашение долга или как компенсацию за ущерб, или ответчик, который предложил заплатить такую сумму истцу.

Кроме расходов на адвоката, большую часть расходов составляют гонорары экспертов. Недавно наша фирма вела

крупное дело, в котором мы представляли работника строительной компании, упавшего с крыши и получившего тяжелейшую травму головного мозга. В таких делах адвокаты получают определенный процент (20–33%) от суммы, которую их клиент получит в результате соглашения сторон или суда. Поскольку такие дела могут принести солидный доход юридической фирме, представляющей клиента, она авансирует все расходы, связанные с экспертами, которые потом возмещаются фирме из суммы, которую клиент должен получить в результате договора или судебного вердикта.

О каких же экспертах может идти речь в подобном деле? Прежде всего, это эксперты по технике безопасности на строительных работах. Далее — эксперты по конструкциям лестниц, крыш, ремней, веревок и других систем безопасности. Далее — медицинские эксперты, подтверждающие тяжесть травм, описывающие степень болевых ощущений, степень инвалидности в результате полученных травм, ограниченную возможность работать (думать, двигать конечностями и т.д.), невозможность заниматься домашним хозяйством, вести нормальную половую жизнь (супруга пострадавшего тоже является истцом, ей также причинен ущерб вследствие травм мужа, в том числе лишение интимного общения и помощи по дому). Далее — эксперты-экономисты, которые должны подсчитать упущенный главным истцом заработок за всю его жизнь, если он стал нетрудоспособным инвалидом, расходы на лекарства, медсестер, сиделок, физиотерапию, помощь психолога, другие процедуры. Но и это еще не все. Готовясь к суду, мы наняли компанию, специализирующуюся в изготовлении научных фильмов в формате 3D, и заказали ей фильм-презентацию об операции на мозге, которую сделали нашему клиенту. Разумеется, мы предоставили этой компании все медицинские документы, касающиеся операции, включая подробное описание операционных процедур, составленное хирургом. Только производство этого фильма стоило нашей фирме \$ 100 тыс., но мы пошли на эти расходы, зная, что они окупятся с лихвой, так как такой фильм произведет большое впечатление на присяжных, но еще до присяжных — на адвокатов страховых компаний, которые вели с нами переговоры

о достижении мирового соглашения. Эти адвокаты не только поняли, какой фильм ужасов увидят присяжные на суде, но и были впечатлены нашей решимостью идти до конца, невзирая на расходы. Они поняли, что мы не блефуем.

Очень часто слушания в гражданских судах сводятся к так называемой битве экспертов. При этом колоссальное значение имеет репутация участников этого сражения — чем она выше, тем весомее позиция эксперта в глазах присяжных или судьи. На слушаниях по исковому заявлению, связанному с врачебной ошибкой, сторона истца может выставить эксперта-хирурга с 20-летним опытом, на счету которого 10 тыс. операций, подобных той, в результате которой пострадал клиент, а сторона ответчика может выставить в качестве эксперта медика-ученого, по книгам которого эксперт-хирург учился делать эти операции.

Не только ответчики боятся судов присяжных. Вот что обычно происходит в случае выигрыша дела, когда присяжные присуждают огромную сумму истцу в качестве компенсации за причиненный ущерб. Ответчик или ответчики (часто ответчиков в больших делах несколько — владелец дома, где произошел несчастный случай, строительная компания, которая вела работы, производитель дефектного оборудования и т.д.), разумеется, подают апелляцию. Очень часто апелляционный суд урезает присужденную присяжными сумму, иногда вдвое или даже втрое, не говоря уже о том, что он может просто аннулировать решение на каком-то правовом основании. Поэтому адвокатам, представляющим истцов, не нужно «зарываться». Следует понять, где нужно остановиться в своих требованиях. Если, например, страховые компании ответчиков предлагают уладить дело за \$ 3 млн, а на суде можно получить у присяжных вердикт в \$ 4 млн, то, вполне возможно, имеет смысл принять предложение ответчиков и не рисковать. Не нужно повторять ошибку Фельтнера, который настоял на суде присяжных и в результате должен был заплатить компенсацию, почти в четыре раза превышающую сумму вердикта, вынесенного судьей.

В любом случае при неубывающем количестве исков, поданных в гражданские суды штатов, количество дел,

доходящих до суда присяжных, уменьшается с каждым годом. Очевидно, при Мэдисоне стоимость ведения дела и сопутствующие риски были не так велики, как в наши дни. Жизнь заставляет и истцов и ответчиков находить новые, более эффективные и менее дорогие механизмы решения конфликтов.

25)

Восьмая поправка к Конституции США

10

«Не должны требоваться чрезмерные залоги, или налагаться чрезмерные штрафы, или назначаться жестокие и необычные наказания» (Excessive bail shall not be required, nor excessive fines imposed, nor cruel and unusual punishments inflicted).

Текст Восьмой поправки кажется простым и ясным, но это иллюзия. На самом деле она одна из самых загадочных и туманных, поскольку в ней не содержится даже намек на то, какие наказания она запрещает. Какое наказание является жестоким, а какое необычным? Ответы на эти и другие вопросы зависят от подхода к интерпретации Конституции. Исторически сложились два подхода (хотя терминов, их описывающих, гораздо больше): «оригиналистский», т.е. поиск первоначального значения «внутри четырех углов листа», на котором написан текст, и «прогрессивный», т.е. «подгонка» текста к меняющимся социальным условиям.

Для «оригиналистов» (также известных как «текстуалисты» и «интерпретивисты») Конституция является сакральным, застывшим во времени документом. Этот подход исключает эволюцию значения — текстом Конституции отцы-основатели сказали все, что они хотели сказать, и наша задача понять значение их слов, используя записи речей и выступлений, протоколы заседаний, дебатов, письма, статьи и трактаты, из которых можно понять истинное значение слов, употребленных в тексте Конституции и Билля о правах.

Для «прогрессивистов» («неоригиналисты», «неинтерпретивисты») Конституция является «живым», организмом который меняется по мере изменения человеческих ценностей и приобретения нами более глубокого знания и понимания человеческой природы. Суть такого подхода к интерпретации Восьмой поправки передает цитата из решения Верховного суда США по делу «Троп против Даллеса» / *Trop v. Dulles*, 356 U.S. 86 (1958). Цитата принадлежит тогдашнему верховному судье Уоррену: «Значение положения о жестоком и необычном

наказании должно исходить из эволюционирующих стандартов приличия, которые знаменуют прогресс в зрелости общества».

Такой подход, конечно, ничем не связывает Верховный суд США в его интерпретации Восьмой поправки. Если следовать Уоррену, получается, что «стандарты приличия», которые разделяет большинство судей Верховного суда, и есть лакмусовая бумажка, помогающая определить, какое наказание является жестоким и необычным, а какое нет. При этом не имеет значения, какие стандарты приличия у жителей того или иного штата, чьи представители приняли закон о наказании за то или иное преступление.

К какому течению принадлежит тот или иной юрист, можно определить по его ответам на следующие вопросы, касающиеся Восьмой поправки:

- каким стандартом должен руководствоваться суд при решении вопроса, подпадает ли то или иное наказание под определение «жестокое»?
- запрещает ли Восьмая поправка только варварское наказание или также и наказание, которое не соответствует тяжести преступления?
- запрещает ли Восьмая поправка смертную казнь?
- являются ли некоторые современные виды наказания, например длительное одиночное заключение или смертная казнь путем инъекции «смертельного коктейля» (последовательная комбинация, состоящая из анестетика, парализующего вещества на основе яда кураре и хлорида калия, останавливающего работу сердца), жестоким наказанием?

«Оригиналисты» (в частности, судьи Верховного суда Кларенс Томас и Антонин Скалия) дали следующие ответы на эти вопросы.

Суд должен руководствоваться стандартами, принятыми в 1791 году (год ратификации поправки). Если в 1791 году наказание не считалось жестоким, то оно не должно считаться таковым и сегодня.

Восьмая поправка запрещает только варварские, пыточные виды наказания, но ничего не говорит о соответствии

тяжести наказания тяжести совершенного преступления. Это означает, что наказание в виде смертной казни за неправильную парковку автомобиля само по себе не противоречит Восьмой поправке.

Восьмая поправка не запрещает смертную казнь. Во-первых, смертная казнь как наказание существовала в 1791 году. Во-вторых, смертная казнь упоминается в тексте Конституции, в частности в Пятой поправке: «привлекаться к ответственности за караемое смертью... преступление...», «никто не может быть лишен жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры...». Отцы-основатели, таким образом, признавали смертную казнь в виде наказания, иначе не упоминали бы ее в Билле о правах.

Современные методы наказания могут нарушать Восьмую поправку, если они были разработаны специально с целью причинить боль ради боли и являются объективно более жестокими, чем наказания, разрешенные в 1791 году.

Разумеется, далеко не каждая позиция «оригиналистов» нашла отражение в решениях Верховного суда.

Инъекция «смертельного коктейля» заслуживает отдельных комментариев, поскольку до сих пор применяется практически во всех штатах, где разрешена смертная казнь.

«Варварское наказание»

Придумал этот вид казни патологоанатом по имени Джей Чэпмэн, и суть изобретения заключается в том, что введение в организм первого ингредиента отключает сознание, второй ингредиент парализует все мышцы, а третий останавливает сердце. Научное сообщество не высказало своего мнения по поводу эффективности такого метода умерщвления, а сам Чэпмэн в интервью заявил, что является экспертом по трупам, а не по тому, как достичь этого состояния.

Больше всего вопросов вызывает применение паралитического агента. Его введение не служит никаким медицинским целям, зато не позволяет узнать, действительно ли человек не мучается после введения первого препарата. Яд кураре

давно известен ученым своими паралитическими свойствами. Еще в 1868 году шведский физиолог Хольмгрен писал, что кураре мгновенно превращает любое существо в живой труп. Сохраняется способность видеть, слышать и осознавать происходящее, но при этом невозможно пошевелить ни одним мускулом. Поэтому понять, испытывает ли организм, в который вели препарат с ядом кураре, боль, невозможно. Поскольку ученые знают об этом свойстве кураре минимум 150 лет, его запрещено использовать при эвтаназии животных в 48 штатах из 50. В печати также появился ряд статей, указывающих на то, что паралитические препараты могут вызвать сильные болевые ощущения при введении в организм.

Разумеется, если первый препарат, цель которого отключить сознание, сработал безотказно, то тогда приговоренный к смертной казни не почувствует боли от введения второго препарата. Но это большое «если». В США было задокументировано довольно много случаев, когда первый препарат желаемого эффекта не достигал. Причины были разными — контрафактный препарат, истекший срок годности, неправильный ввод препарата персоналом ввиду недостаточной профессиональной подготовки. В некоторых штатах в качестве первого вводимого препарата используется седативное средство мидазолам, который ни при каких дозах сознание не отключает. В этих штатах были зафиксированы случаи, когда после введения мидазолама приговоренные к казни явно испытывали муки. При этом понять, что они испытывали после введения второго, парализующего, препарата, было невозможно, так как их мускулы больше не функционировали. Когда в штате Огайо впервые использовали при смертной казни некоего Денниса Макгвайра мидазолам, Макгвайр, задыхаясь, хватал ртом воздух в течение 10 минут, прежде чем его сердце остановилось. В Аризоне у приговоренного к смерти Джеймса Вуда смерть наступила через два часа после введения мидазолама.

Эти два эпизода упомянула в своем мнении член Верховного суда США Елена Каган при рассмотрении дела «Глоссип против Гросса» / *Glossip v. Gross*, 576 U.S. — (2015), посвященного конституционности использования мидазолама при приведении в исполнение смертного приговора.

Это дело, попавшее в Верховный суд США по петиции certiorari, началось с того, что в 1997 году в Оклахоме Джастин Снид бейсбольной битой забил до смерти Барри Ван Триса. Ван Трис был владельцем мотеля, Снид в нем работал техником. Но был еще один человек — Ричард Глоссип, который работал в мотеле менеджером. Пытаясь избежать смертной казни за предумышленное убийство, Снид на допросе показал, что убийство Ван Триса заказал Глоссип.

Заказчик, как правило, не может понести наказание меньшее, чем исполнитель, а зачастую приговаривается к более жестокому наказанию. Присяжные признали Глоссипа виновным в убийстве Ван Триса и приговорили его к смертной казни. В 2001 году суд штата Оклахома по уголовным апелляциям аннулировал вердикт присяжных на том основании, что адвокат Глоссипа оказал ему неэффективную юридическую помощь. Второй суд закончился для Глоссипа с тем же результатом: признан виновным и приговорен к смертной казни. Обжалование приговора в суд штата Оклахома по уголовным апелляциям результат не изменило — решение суда присяжных было подтверждено.

Примерно в 2008 году штат Оклахома начал применять в качестве первого ингредиента «смертельного коктейля» мидазолам. В 2014 году была приведена в исполнение смертная казнь некоего Клэйтона Локетта, который после инъекции мидазолама начал бормотать, что препарат не работает и вытворяет что-то странное с его мозгом (выражения, которые употреблял Локкетт, были намного крепче). Умер Локетт через 43 минуты после введения последнего препарата. Видя и слыша, как умирал Локетт, власти Оклахомы решили отложить казнь некоего Уорнера, которая была назначена на вечер того же дня с тем же самым протоколом умерщвления.

В июне 2014 года Уорнер, а также знакомый нам Глоссип и еще 19 приговоренных к смертной казни заключенных подали иск в федеральный суд Западного района штата Оклахома, настаивая на том, что, поскольку применение мидазолама нарушает Восьмую поправку к Конституции США, штат Оклахома должен прекратить его использование при исполнении смертной казни. Суд Западного района в иске

отказал, как отказал впоследствии и Федеральный суд 10-го федерального округа. По петиции certiorari дело взял на рассмотрение Верховный суд США. В петиции утверждалось, что мидазолам является всего лишь седативным препаратом и не в состоянии лишить приговоренного к смертной казни возможности чувствовать боль от двух других препаратов.

15 января 2015 года Верховный суд отказал главному истцу Уорнеру в его ходатайстве отложить смертную казнь, которая была приведена в исполнение вечером того же дня. Уорнеру не хватило одного голоса для удовлетворения его петиции. Оставшиеся 20 приговоренных к смерти заключенных поняли, что их дни сочтены, как вдруг 23 января Верховный суд согласился заслушать петицию о приостановлении казни. Поскольку Уорнер выбыл из дела, Глоссип занял его место, и дело стало называться «Глоссип против Гросса». Как уже упоминалось, ответчиками в таких делах служат главные надзиратели тюремной системы того или иного штата. Слушания состоялись в конце апреля 2015 года. Именно в ходе этих слушаний судья Елена Каган высказала свое мнение о мидазоламе как о пыточном средстве, в результате которого человек сжигается заживо изнутри.

И снова Верховный суд США пятью голосами против четырех принял решение против 20 приговоренных к смертной казни заключенных в штате Оклахома. К четырем консерваторам присоединился «умеренный» судья Энтони Кеннеди, что позволило склонить чашу весов в пользу смертной казни с применением мидазолама. Верховный суд отметил, что Восьмая поправка возлагает на заключенных бремя доказывания того, что существует известный альтернативный способ казни. Но заключенные, продолжал Суд, в своей петиции упомянули препараты, которых нет в наличии в штате Оклахома, а следовательно, обязанность доказывания ими выполнена не была. Вторым аргумент Верховного суда против приговоренных к смертной казни состоял в том, что Восьмая поправка также обязывает их доказывать, что применение мидазолама повлечет за собой дикую боль. Штат Оклахома, подчеркнул Суд, не должен доказывать, что препарат не причинит боль, бремя доказывания обратного полностью лежит

на заключенном. В петиции утверждалось, что мидазолам не был утвержден федеральной Комиссией по пищевым продуктам и лекарственным препаратам в качестве анестетика, но Суд возразил, что Восьмая поправка ни слова не говорит о том, что такое условие должно быть выполнено. Верховный суд также прислушался к мнению медицинского эксперта из штата Оклахома доктора Эванса, который заверил Суд, что при применении мидазолама практически гарантировано, что заключенные боли не почувствуют. Доктор Эванс, кроме того, убедил суд, что так называемый потолочный эффект¹, упомянутый в петиции, не находит серьезного экспериментального подтверждения.

В свете решения Верховного суда казнь Глоссипа была назначена на 16 сентября 2015 года, но благодаря срочной петиции его адвокатов отложена на две недели — до трех часов дня 30 сентября. 29 сентября Верховный суд США отказал адвокатам Глоссипа в петиции об еще одной отсрочке казни.

Наступило 30 сентября. В этот день (если казнь назначена на утро, то в предыдущий вечер) заключенный имеет право заказать любую еду общей стоимостью до \$25. Как правило, на последнюю трапезу приговоренные к смертной казни заключенные выбирают гамбургер с жареной картошкой и кока-колу. Глоссип заказал две пиццы среднего размера, одну с двойной порцией бекона, другую с двойной порцией сыра, затем двойную порцию жареной рыбы с картошкой из ресторана «Лонг Джон Сильвер», гамбургер из ресторана «Уэнди» и мусс из протертой клубники. Почему так много еды, стоимость которой явно превышала \$25? Во-первых, поскольку это была третья назначенная казнь, он имел право на три полных обеда. Во-вторых, он хотел угостить охранников, которые хорошо к нему относились (чтобы разделить с Глоссипом его последнюю трапезу, охранники должны были получить от начальства особое разрешение).

Глоссип, кстати, никогда не признавал себя виновным, уверяя суд, что Снид его оговорил, чтобы выторговать для

¹ «Потолочный эффект» — доза, сверх которой добавочный анальгетический эффект отсутствует, на сколько бы она ни увеличивалась.

себя пожизненное заключение. Все дело против Глоссипа было построено на основании показаний только одного свидетеля — Снида, убийцы Ван Триса. В этих показаниях, кстати, было множество противоречий. То Снид утверждал, что Глоссип зашел к нему в комнату, где и уговорил совершить убийство Ван Триса с целью ограбления, то вспоминал, что разговор состоялся по телефону. То он показывал, что на руках Глоссипа были перчатки, то — что перчаток не было. Об этом Глоссип сказал в телефонном интервью английской компании «СкайНьюз», которое он дал во время последней трапезы. К слову, родственники Снида направили в Верховный суд письмо, где сообщали, что Снид сознался им, что оговорил Глоссипа, но Суд не придавал ему большого значения. У Глоссипа было несколько полных судебных слушаний, 17 лет апелляций, однако он, несмотря на все противоречия в показаниях Снида, был признан виновным. До этого преступления Глоссип был абсолютно чист перед законом — ни одного правонарушения.

Многие просили сохранить жизнь Глоссипу. Губернатор Оклахомы Мэри Фоллин получила даже письмо от представителя папы римского, на которое она ответила так: «Судьба Глоссипа не в моих руках. Если ему назначат новый суд или если суд отменит ему смертную казнь, я повинуюсь, но сама отменить казнь я не могу. Я обязана выполнить решение суда».

После трапезы Глоссип начал ходить взад-вперед по камере в ожидании, когда за ним придут, привяжут к специальным носилкам и отнесут в комнату, где ему сделают внутривенную инъекцию из «смертельного коктейля»...

За ним так и не пришли. Примерно за час до казни губернатор Мэри Фоллин издала приказ о переносе казни на 6 ноября. Причина отсрочки была неожиданной: вместо хлорида калия (второго ингредиента) доставили ацетат калия, что нарушало протокол казни и решение Верховного суда о том, что она должна быть совершена согласно предоставленному штатом Оклахома протоколу. Ацетат калия в протоколе не значился, а решение Суда нарушать нельзя.

Глоссип жив по сегодняшний день, поскольку все казни в штате Оклахома были отложены до выяснения вопросов,

связанных с протоколом, — как могло получиться, что один препарат был доставлен в тюрьму вместо другого, и т.д. То есть до лучших времен. Канал «Дискавери» снял о Глоссипе двухсерийный документальный фильм, который смотрели по всей стране (премьера, конечно, состоялась в штате Оклахома) миллионы человек.

В главе о Восьмой поправке так много внимания уделяется делу Глоссипа, поскольку оно может оказаться решающим в вопросе, будет ли запрещена в США смертная казнь.

На сегодняшний день смертная казнь применяется как наказание за наиболее тяжкие преступления в 31 штате. С 1976 года, когда в США была восстановлена смертная казнь, в стране было казнено 1442 человека. Сейчас в камерах для заключенных, осужденных на смертную казнь, находится примерно 3000 человек. Среднее время ожидания приведения приговора в исполнение составляет 15 лет.

Непропорциональное наказание

Восьмая поправка также требует, чтобы наказание было соразмерно преступлению. В качестве примера, когда Верховный суд признал наказание чересчур суровым для совершенного преступления, можно привести дело «Кокер против штата Джорджия» / *Coker v. Georgia*, 433 U.S. 584 (1977).

В 1974 году Эрлих Энтони Кокер, сбежав из тюрьмы, где он отсиживал срок за убийство, изнасилование, киднеппинг и вооруженное нападение, проник в дом супружеской четы, изнасиловал жену, похитил машину и на ней скрылся, прихватив с собой женщину, которую вскоре отпустил. За эти преступления суд штата Джорджия приговорил Кокера к смертной казни. В результате апелляции дело дошло до Верховного суда США, который постановил семью голосами против двух, что смертная казнь «явно не соответствует» преступлению, которое совершил Кокер. Верховный суд отметил, что Джорджия является единственным штатом, чей закон позволяет подвергать насильника взрослой жертвы наказанию в виде смертной казни. Поскольку изнасилование

не сопровождалось смертью жертвы, Верховный суд признал, что в данном деле смертная казнь как наказание не соответствует степени общественной опасности содеянного.

Еще в конце XIX века в деле Кеммлера / *In re Kemmler*, 136 U.S. 436 (1890) Верховный суд постановил, что смертная казнь на электрическом стуле не нарушает Восьмую поправку, поскольку не предполагает, что процесс умерщвления будет длительным и мучительным, как, например, колесование или распятие. Уильям Кеммлер был сыном немецких иммигрантов. Школу он бросил в 10 лет, так и не выучившись читать и писать. Оба родителя были алкоголиками и рано умерли. Уильям тоже был равнодушен к алкоголю. Очевидно, в состоянии сильного опьянения он топориком убил свою гражданскую жену Матильду Зиглер, за что был судим, признан виновным и приговорен к смертной казни при помощи нового прибора, называемого «электрический стул».

Кеммлер был первым преступником в США, казненным на электрическом стуле. Он также был первым, кто в свою защиту выдвинул аргумент, что такой вид казни нарушает Восьмую поправку. Как показала жизнь (вернее, смерть), Кеммлер был прав. Его собственная казнь была воистину гротескной. После 17-секундного электрического разряда врач осмотрел Кеммлера и объявил его мертвым. Как раз в это время Кеммлер застонал, и кто-то закричал: «Включите ток!» Через две минуты комната наполнилась дымом и запахом горелой плоти. Два свидетеля упали в обморок, нескольких стошнило.

При исполнении смертного приговора с помощью электрического стула заключенного кожаными ремнями привязывают к стулу. Ремни крест-накрест идут через грудь, бедра, ноги и руки. Затем один медный электрод подсоединяется к ноге, а другой к шлему на голове заключенного. На лицо надевается кожаная или тряпичная маска. Затем палач нажимает на кнопку, и заключенный получает первый разряд током от 1700 до 2400 вольт, который длится от 30 секунд до одной минуты. Голова и ноги заключенного начинают при этом дымиться. Доктор осматривает заключенного, чтобы удостовериться, что он мертв. Если нет, то пропускается еще один разряд, а если необходимо, то еще один. Для Этель Розенберг,

которая вместе со своим мужем Джулиусом передала секрет атомной бомбы СССР, потребовалось пять разрядов. Самая длинная экзекуция на электрическом стуле длилась 19 минут. Такая казнь — зрелище крайне неэстетичное (хотя есть ли эстетичная казнь?), часто сопровождающееся рвотой, мочеиспусканием, дефекацией, закипанием внутренних органов (температура тела поднимается почти до 60 градусов по Цельсию) и даже выпадением глаз. При этом свидетели казни отмечали ужасный запах горелого мяса и громкий треск в течение всего периода экзекуции.

Я описал казнь на электрическом стуле для того, чтобы читатель мог составить собственное мнение об уровне ее жестокости. Верховный суд, однако, не нашел казнь на электрическом стуле чрезмерно жестокой или необычной. Удивительно то, что и электрический стул, и «смертельный коктейль» были изобретены как раз для того, чтобы сделать казнь быстрой и приносящей как можно меньше страданий. Изобретатель лампочки и многих других полезных приборов Томас Эдисон поддерживал смертную казнь на электрическом стуле как быструю и гуманную. Правда, его компания участвовала в тендере на исполнение первой смертной казни на электрическом стуле...

(Советую читателям посмотреть на эту тему замечательный фильм «Зеленая миля» [«The Green Mile»] Фрэнка Дарабонта с Томом Хэнксом в главной роли. В 1999 году этот фильм был удостоен премии «Оскар» как лучший фильм года.)

В 2008 году Верховный суд штата Небраска вынес определение, что казнь при помощи электрического шока нарушает Конституцию штата Небраска, запрещающую чрезмерно жестокие и необычные наказания. Штат Небраска был единственным, где электрошок был обязательным видом смертной казни. Еще девять штатов хоть и разрешают этот вид казни, но уже много лет не применяют его, — Алабама, Арканзас, Вирджиния, Иллинойс, Кентукки, Оклахома, Южная Каролина, Теннесси и Флорида. На сегодняшний день почти все казни осуществляются путем инъекции «смертельного коктейля».

Если проанализировать решения Верховного суда по делам, касающимся Восьмой поправки, то назвать их последо-

вательными будет весьма трудно. С одной стороны, в 1942 году Верховный суд признал закон штата Оклахома о стерилизации слабоумных и преступников-рецидивистов противоречащим Восьмой поправке — дело «Скиннер против штата Оклахома» / *Skinner v. Oklahoma*, 316 U.S. 535 (1942). С другой — за 15 лет до этого он признал закон штата Вирджиния о стерилизации умственно отсталых больных, стационарно находящихся в специальных учреждениях, допустимым — дело «Бак против Белл» / *Buck v. Bell*, 274 U.S. 200 (1927).

Применяя тест «стандарты приличия», сформулированный в деле Тропа (см. с. 194), Верховный суд нашел «приличным» разрешить казнь 16-летнего подростка, признанного виновным в убийстве, поскольку, как показывает анализ законов разных штатов, в стране существует консенсус по поводу допустимости применения смертной казни к подросткам данного возраста — дело «Стэнфорд против штата Кентукки» / *Stanford v. Kentucky*, 492 U.S. 361 (1989). Точно так же Верховный суд, рассмотрев дело «Пенри против Лина» / *Penry v. Lynaugh*, 492 U.S. 302 (1989), не признал противоречащим Восьмой поправке смертный приговор, вынесенный умственно отсталому Пенри, совершившему убийство. Правда, Верховный суд отправил дело обратно в суд нижней инстанции на том основании, что присяжные не получили от судьи инструкции, что они могут при вынесении наказания учесть тот факт, что умственное развитие Пенри соответствовало уровню семилетнего ребенка.

В части непропорциональности наказания преступлению на ум сразу приходят дела из штата Калифорния, где действует закон под названием «Три удара, и ты выбываешь из игры» (*Three strikes and you are out*). Суть его в том, что, каким бы незначительным ни было третье преступление, оно будет классифицироваться как тяжкое и обязательным наказанием за него будет пожизненное тюремное заключение. Самым заметным по этой теме было дело «Локьер против Андрейда» / *Lockyer v. Andrade*, 538 U.S. 63 (2003).

В двух разных эпизодах Андрейд украл из магазина «К-Март» видеопленки на общую сумму \$ 153, был пойман, судим и признан виновным. Наказание получил самое

суровое — пожизненное тюремное заключение с правом досрочного освобождения через 50 лет. Сами по себе эти преступления классифицировались бы по уголовному закону штата Калифорния как мелкие кражи, наказание за которые не превышает одного года тюремного заключения. Однако, поскольку Андрейд до этого был дважды признан виновным в совершении преступления (три кражи со взломом), то обвинения в совершении мелкой кражи включали формулировку «тяжкие преступления» (felony), за которые полагается больше года тюремного заключения. Ни одна из краж со взломом не включала элемент насилия, хозяев дома не было, Андрейд не был вооружен. За эти преступления Андрейд отсидел в тюрьме два с половиной года. Необходимо пояснить, что термин «кража со взломом» (burglary) в американской юриспруденции предполагает незаконное проникновение в помещение, даже если в результате ограбления была совершена мелкая кража.

Парадокс заключается в следующем. Для того чтобы две последние мелкие кражи превратились в тяжкое преступление, предыдущее преступление должно было классифицироваться как имущественное, т.е. принадлежать к той же категории, что и первые три. Кража со взломом, естественно, является преступлением, направленным против чужого имущества, а не личности. Если бы первыми преступлениями были убийство или изнасилование, то за последние две кражи Андрейд получил бы максимум один год тюремного заключения, но, к великому сожалению Андрейда, все преступления были направлены против имущественных интересов других лиц или компаний. Когда Андрейд был осужден на пожизненное тюремное заключение в 1996 году, ему было 37 лет. На досрочное освобождение он может претендовать в 2046 году в возрасте 87 лет.

В результате апелляции дело попало на рассмотрение в Верховный суд США, и с минимальным перевесом голосов (5 : 4) Суд постановил, что пожизненное тюремное заключение с правом на досрочное освобождение через 50 лет не является жестоким и необычным наказанием и, следовательно, не нарушает Восьмую поправку. За большинство решение писала судья Сандра Дэй О'Коннор.

Еще за 20 лет до дела Андрейда Верховный суд в деле «Содем против Хелма» / *Solem v. Helm*, 463 U.S. 277 (1983) сформулировал тест из трех частей для определения непропорциональных (а следовательно, жестоких и необычных) наказаний. Согласно этому тесту, суд должен: 1) сравнить тяжесть преступления и суровость наказания; 2) проанализировать наказания за другие преступления в том же самом штате; 3) проанализировать наказания за те же самые преступления в других штатах.

Верховный суд не раз подтверждал эту формулу в последующих решениях, поэтому крайне удивительно, что судья О'Коннор этот тест вообще не упомянула в своем решении, хотя именно он и должен был определить, нарушало ли наказание, определенное Андрейду, Восьмую поправку. И это при том, что дела Андрейда и Хелма изобилуют совпадениями и аналогиями. Обоим было примерно 35–37 лет, когда они были приговорены к пожизненному заключению, оба совершили первые преступления примерно за 15 лет до решающего преступления и у обоих первыми преступлениями были ограбления домов без какого бы то ни было насилия. Оба были приговорены к пожизненному заключению за мелкие имущественные преступления — Хелм за то, что выписал чек на сумму \$ 100, хотя банковского счета, связанного с этим чеком, не существовало, а Андрейд — за кражу видеопленок на \$ 153.

Тем не менее судья О'Коннор разницу между этими делами нашла, и заключалась эта разница в том, что Андрейд мог подать петицию о досрочном освобождении через 50 лет, в то время, как у Хелма такой возможности не было вообще. Судья также нашла сходство между делом Андрейда и делом «Раммел против “Эстелль”» / *Rummel v. Estelle*, 445 U.S. 263 (1980), в котором Уильям Джеймс Раммел был приговорен к пожизненному заключению за три кражи на общую сумму в \$ 230, совершенные за 15-летний период. В том деле Верховный суд признал право штата Техас бороться с рецидивистами, неспособными вести законопослушный образ жизни, самыми суровыми методами. В деле Раммела Верховный суд также отметил, что штат Техас поощряет хорошее поведение заключенного, что дает Раммелу возможность подать

петицию о досрочном освобождении через 12 лет. А раз он не обречен провести остаток своей жизни в тюрьме, то и определенное ему наказание не является жестоким или необычным.

Итак, согласно анализу судьи О'Коннор, раз заключенный рано или поздно может досрочно выйти из тюрьмы, то пожизненное тюремное заключение с правом досрочного освобождения (когда бы такое освобождение ни произошло) не является неконституционным. Продолжая этот анализ *ad absurdum*, все, что нужно сделать штату, чтобы исключить аннулирование его приговора к пожизненному тюремному заключению вышестоящим судом, это предоставить заключенному право подать петицию о досрочном освобождении хоть через 100 лет — такая возможность должна вполне удовлетворить судью О'Коннор и других четверых судей, которые с ней согласились.

Обсуждение, мудр ли или хотя бы разумен закон, особенно сурово карающий рецидивистов даже за мелкие преступления, лежит за пределами этой книги. Скорее это вопрос для пенологов. Есть много исследований на тему эффективности закона «Три удара, и ты выбываешь», в которых сравнивалась статистика преступлений в графствах, где этому правилу следовали неукоснительно, и там, где на мелкий рецидив закрывали глаза. Никакого различия в тенденциях обнаружено не было — если преступность падала в «суровых» графствах, то она так же точно падала и в «мягких». Затраты на содержание одного заключенного приводились выше. Возьмем среднюю цифру в \$ 30 тыс. в год. При средней продолжительности жизни американцев, превышающей 80 лет, есть все шансы, что и Андрейд и Раммел отпразднуют как минимум свое 80-летие в тюрьме. Это 45 лет заключения. Это больше миллиона долларов на брата. Гораздо больше, если учесть даже минимальный рост цен. Итак, налогоплательщики штата выложат минимум \$ 2 млн на содержание двух мелких воришек, укравших около пары сотен долларов каждый.

Но Верховный суд не раз подчеркивал, что соображения экономической эффективности не играют роли при определении конституционности того или иного закона. Изменить существующий закон или принять новый

является прерогативой законодательного органа каждого штата. И если население какого-то штата, через своих выбранных в законодательный орган представителей, решает бороться с рецидивизмом даже на самом нижнем уровне, то, значит, так тому и быть — в конце концов, это его, населения, деньги будут уходить на пожизненное содержание мелких правонарушителей. Главное, чтобы у этих правонарушителей был шанс выйти на свободу хоть когда-нибудь, хоть через 100 лет. Разумеется, при хорошем поведении.

ДЕВЯТАЯ ПОПРАВКА К КОНСТИТУЦИИ США

«Перечисление в Конституции определенных прав не должно толковаться как отрицание или умаление других прав, сохраняемых за народом» (The enumeration in the Constitution, of certain rights, shall not be construed to deny or disparage others retained by the people).

В Девятой поправке две части. Первая называется «Перечисление прав», вторая — «Права, сохраняемые за народом». Отцы-основатели отдавали себе отчет в том, что перечислить все данные нам Творцом права невозможно, и именно поэтому родилась Девятая поправка, говорящая о том, что если Конституция или Билль о правах не упоминают о каком-то праве, то это не значит, что его нет. Таких прав может быть множество. Краеугольным камнем Девятой поправки является вера отцов-основателей в то, что все индивидуальные права происходят от Творца, т.е. являются естественными. И Девятая поправка просто подтверждает очевидный для отцов-основателей факт, что если какое-то право нигде в Конституции или в Билле о правах не упомянуто, то оно по умолчанию закреплено за штатом или за народом. Почему просто «за народом» недостаточно? Потому что в те времена понятие «родина» ассоциировалась с понятием «штат», а не «страна». Гораздо больше было патриотов того или иного штата, нежели США, и если какое-то право было закреплено за штатом, то его население воспринимало это практически как свои собственные права.

Почему же, если текст Девятой поправки такой ясный, она является одной из самых противоречивых поправок к Конституции?

Напомню, что, когда текст Конституции был представлен штатам для ратификации в 1787 году, антифедералисты возражали против ратификации на том основании, что Конституция недостаточно охраняет индивидуальные естественные права граждан. Именно поэтому они настаивали

на перечислении индивидуальных прав в Билле о правах. Федералисты же считали, что правительство вообще никак не может ограничивать индивидуальные права, что оно может делать только то, что прописано в Конституции, и ничего больше. Поэтому, считали федералисты, составлять Билль о правах опасно, чтобы федеральное правительство не подумало, что если какое-то право не указано в Билле о правах, то оно, правительство, может в него вторгаться через запрет или регулирование. В конце концов федералисты уступили, и Джеймс Мэдисон представил на рассмотрение Конгресса текст будущей Девятой поправки, который после прений был урезан до современного вида.

С принятием Девятой поправки возникли проблемы: а кто именно будет решать, какие права есть у народа? По идее, ближе всех к народу его выборные представители в законодательном органе штата. Именно они, как никто другой зная чаяния своих выборщиков, могут претворить их в жизнь, приняв тот или иной закон.

Напомню, что в 1868 году была ратифицирована 14-я поправка, которая распространила действие всех поправок на штаты. В этой поправке главной является первая ее часть, где говорится о том, что штаты не могут принимать законы, нарушающие принципы надлежащей правовой процедуры и равенства всех перед законом. В основном 14-ю поправку знают именно по этим двум пунктам.

Однако с ее ратификацией штаты в какой-то мере утратили законодательную самостоятельность — теперь каждый закон должен был соответствовать 14-й поправке. Поэтому появилась опасность, что Верховный суд США может признать неконституционным практически любой закон, принятый штатом, по одной из двух причин: нарушение принципа равенства всех перед законом (т.е. дискриминация какой-то группы граждан) или отсутствие надлежащей правовой процедуры. В таком случае кто же на самом деле отстаивает права людей — выбранные ими законодатели или девять судей Верховного суда США, которых никто не выбирал и которые были номинированы президентом США и утверждены на эту должность Сенатом?

В главе о Третьей поправке упоминалось дело «Гризволд против штата Коннектикут», в котором доктор Гризволд была признана виновной в открытии медицинского центра, где делали аборт, в нарушение закона штата Коннектикут. Верховный суд взял сторону Гризволд. Именно в этом деле он нашел новое право — право на частную жизнь, о котором нет ни слова ни в Конституции, ни в Билле о правах.

Но судья Дуглас нашел в Билле о правах не только право на частную жизнь, но и многие другие права, которые он назвал *ответами* прав, закрепленных в Билле о правах (Дуглас употребил для обозначения этих «дополнительных» прав слово *response*, что означает «ответ» или «полутень»). Согласно судье Дугласу, именно эти «ответы» и придают объем, т.е. суть и жизнь, перечисленным в Билле правам. В самом деле, право на частную жизнь в качестве «ответа» присутствует в каждой поправке — это и право на собрания (т.е. это наше частное дело, с кем мы хотим собираться и что обсуждать), это и запрет на расквартирование солдат в частных домах, это и свобода от необоснованных обысков... Практически везде наличествует элемент частной жизни, «ответ», который наполняет объект смыслом и придает ему объем. Именно право на частную жизнь было нарушено законом штата Коннектикут, запрещающим распространение контрацептивов и прерывание беременности.

Итак, прав, не перечисленных в Билле о правах, множество. Например, право на смерть, т.е. право на эвтаназию — безболезненный, достойный уход из жизни при ответственном подтвержденном диагнозе и прогнозе. Может ли штат лишить своих граждан этого права? Или права на аборт? Или права на однополые браки? Или права на усыновление детей? Рано или поздно какой-то закон штата ущемляет обладателя тех или иных прав, дело попадает в суд, доходит до Верховного суда США, который и определяет, есть ли у человека вообще такое право, и если есть, то какого оно характера — фундаментальное, т.е. защищенное Конституцией, или нет. Например, в 2013 году Верховный суд в деле «Лоренс против штата Техас» / *Lawrence v. Texas*, 539 U.S. 558 (2003) шестью голосами против трех признал закон

штата Техас, запрещающий содомию между двумя взрослыми людьми по согласию обоих нарушающим надлежащую правовую процедуру, хотя за 17 лет до этого в деле «Бауэрс против Хардвик» / *Bowers v. Hardwick*, 478 U.S. 186 (1986) утвердил конституционность закона штата Джорджия, запрещающего содомию. Решение в деле Лоренса было историческим, потому что во множестве штатов сохранились архаичные законы. Например, запрещающие «нетрадиционный» секс: до сих пор не вычеркнуты из уголовных кодексов 14 штатов положения, запрещающие оральный секс даже между супругами. Хотя эти законы официально легислатурами штатов не аннулированы, юридической силы в свете решения Верховного суда в деле Лоренса они не имеют.

Какими бы смешными, глупыми или наивными ни казались нам законы некоторых штатов, мы должны признать право за их жителями эти законы иметь. В одних штатах живут пуритане, в других — либералы. В штате Невада (правда, только в одном графстве) разрешена проституция, в то время как в штате Юта, где живут мормоны, это было бы немисливо. Какое же право имеют не выбранные народом судьи решать, что можно и чего нельзя гражданам штатов? Кто наделил Верховный суд полномочиями решать, какой закон хороший, а какой нет, какой соответствует Конституции, а какой ее нарушает? Александр Гамильтон, один из самых известных отцов-основателей, писал в «федералистских статьях», что в Конституции нет ни одного слова (не то что слова), который наделял бы судей такими полномочиями. Отцы-основатели считали, что если народ желает закрепить за собой какое-либо право, то он даст об этом знать своему конгрессмену или депутату, и в итоге появится соответствующий закон. Никто не предполагал, что последнее слово будет принадлежать нескольким назначенным судьям, которые будут решать, можно ли женщинам делать аборт, или имеют ли право безнадежно больные добровольно уходить из жизни, не мучая себя и не обременяя родственников. Но то, что Конституция такими полномочиями Суд не наделяла, не означает, что Суд не мог их присвоить. Именно это произошло в самом знаменитом деле в истории Верховного

суда США — деле Марбери против Мэдисона. Ввиду его необычайной важности мы его разберем подробнее.

26) **Марбери против Мэдисона / Marbury v. Madison,
5 U.S. (1 Cranch¹) 137 (1803)**

В решении по этому делу верховный судья Джон Маршалл провозгласил юридический принцип судебного конституционного надзора, который наделял Верховный суд полномочиями объявить любой закон недействительным, если он противоречил Конституции. В этом деле Суд вынес решение о том, что новоизбранный президент США Томас Джефферсон, действуя через госсекретаря Джеймса Мэдисона, не имел права помешать некоему Уильяму Марбери занять должность мирового судьи в графстве Вашингтон округа Колумбия.

Вкратце факты дела таковы. В последний день своего президентства Джон Адамс номинировал большое количество претендентов на должность мирового судьи, все они были верные федералисты, все за сильную центральную власть. Он старался таким образом создать противовес республиканцу Джефферсону, который уже выиграл на президентских выборах и должен был быть приведен к присяге на следующий день. Адамс считал Джефферсона опасным радикалом.

Сенат, будучи федералистским, в ускоренном порядке все судебские номинации Адамса утвердил, и все, что осталось сделать, это подготовить патенты на должность и вручить их новым судьям. К девяти часам вечера Адамс, закончив подписывать патенты, отправил их с курьером госсекретарю Джону Маршаллу (да-да, тому самому Джону Маршаллу, который стал верховным судьей и какое-то время даже совмещал эти должности) — тому предстояло поставить на них президентскую печать и вручить кандидатам

¹ До 1874 года сборники судебных решений назывались по имени их составителей-редакторов, одним из которых и был Уильям Крэнч.

до окончания срока президентства Адамса. Среди тех, кто не успел получить патент, был и Уильям Марбери¹.

На следующий день президентом США уже был Томас Джефферсон. Узнав, что произошло с судебскими патентами, он приказал своему госсекретарю Мэдисону не вручать их тем, кому Маршалл забыл или не успел их вручить. Марбери и еще несколько человек подали на Мэдисона в Верховный суд США, настаивая на том, что Мэдисон нарушил свои конституционные обязанности.

В период между выборами и инаугурацией Джефферсона вышел в отставку главный судья Элсворт, и Адамс номинировал на эту должность своего госсекретаря Маршалла — давнего оппонента Джефферсона. Поскольку времени до инаугурации Джефферсона оставалось совсем немного, Маршалл занялся укреплением судебской власти еще до того, как уволился с поста госсекретаря, тем более что Сенат утвердил его моментально. Мало того, Маршалл принял президентскую присягу у Джефферсона (это функция главного судьи), и тот, находясь в благодушном настроении, даже попросил его задержаться некоторое время на посту госсекретаря, пока он будет укомплектовывать свой кабинет. В общем, Джефферсон был настроен совсем не воинственно, но впал в ярость, когда узнал, сколько политических врагов Адамс назначил в качестве судей буквально в последний день своего правления. Он составил новый список судей вместо тех, кому не успели вручить документы о назначении. Затем начал массово увольнять шерифов и прокуроров, назначенных Адамсом, поскольку и те и другие служат так долго, как это угодно президенту. Раз окружные федеральные судьи назначаются на пожизненный срок, то единственным способом избавиться от ставленников Адамса было вообще упразднить этот институт, а это можно было сделать только через Конгресс, т.е. через новый закон. Такой закон был принят в 1802 году минимальным большинством.

¹ Судей, которые получили патенты и были приведены к присяге, стали называть «полуночными судьями».

Первый ответный удар по Джефферсону Маршаллу удалось нанести в декабре 1801 года. Уильям Марбери и еще двое несостоявшихся «полуночных судей» подали в Верховный суд петицию, называемую Writ of Mandamus¹, т.е. потребовали, чтобы Верховный суд приказал госсекретарю Мэдисону вручить патенты Марбери и его товарищам по несчастью. Маршалл с удовольствием принял дело — ему представилась хорошая возможность повысить авторитет судебной власти и, может быть, даже установить ее главенство над исполнительной властью. Не последним по значению фактором явилась собственная халатность Маршалла, из-за которой патенты не были вручены Марбери и еще нескольким «полуночным судьям». Маршалл явно хотел исправить свою ошибку.

Он повелел Мэдисону явиться в суд и доказать, почему Суд не должен издать приказ о вручении патентов Марбери. Мэдисон приказ Маршалла проигнорировал.

На слушаниях адвокат Марбери настаивал на том, что все необходимые действия в отношении назначения его клиента судьей были выполнены. Маршалл вызвал в качестве свидетеля генерального прокурора Леви Линкольна, который воспользовался Пятой поправкой, чтобы не отвечать на все вопросы, поставленные Маршаллом, в особенности относительно того, что именно произошло с неврученными патентами. Клерки подтвердили, что эти документы были подписаны, на них была поставлена печать, но что с ними произошло дальше, никто толком вспомнить не мог.

Маршалл был поставлен в трудное положение — если он превысит свои судебские полномочия, его могут подвергнуть

¹ Writ of Mandamus — петиция в суд с требованием издать определенный приказ. Mandamus по латыни означает «мы приказываем». Автор этой книги часто прибегал к этому механизму, требуя, чтобы суд издал приказ, повелевающий Иммиграционной службе США выполнить свои обязательства. Например, после успешной сдачи экзамена на гражданство постоянный житель США, согласно закону, должен быть натурализован в течение 120 дней. Когда проходит год и два и никакие письма и звонки не помогают, единственный эффективный метод добиться результата — это ходатайствовать перед судом об издании приказа, повелевающего Иммиграционной службе натурализовать ходатайствующего немедленно.

импичменту. Если уступит — ослабит роль Верховного суда. Если он прикажет Мэдисону вручить патенты Марбери, Мэдисон просто проигнорирует этот приказ, особенно зная, что его поддержит президент, чья популярность все возрастала. Маршалл понимал, что Верховный суд не может приказывать президенту, что единственный суд над президентом — это суд народа.

Маршалл нашел выход из ситуации. В своем решении он объявил, что Марбери и его коллеги имели полное право получить патенты и Мэдисон нарушил закон, не вручив их. Но, продолжал Маршалл, Верховный суд бессилен что-либо сделать в этой ситуации ввиду неконституционности некоторых положений Закона о судах 1789 года. Иными словами, с одной стороны, этот закон позволял Верховному суду издать приказ, повелевающий госсекретарю вручить патенты, но, с другой стороны, поскольку закон сам нарушал Конституцию, Верховный суд такой приказ издать не может. А нарушал Закон Конституцию, рассуждал Маршалл, потому, что принявший его Конгресс не имел права предоставлять такие полномочия Суду.

Это был первый случай, когда Верховный суд объявил закон, принятый Конгрессом, нарушающим Конституцию. Джефферсон такую формулировку принял, добавив, что, помимо Суда, исполнительная власть тоже может решать вопросы конституционности законов. Так появилась доктрина судебного конституционного надзора, которую юристы называют наиболее отличительной чертой американской конституционной системы.

Но вернемся в наши дни. На момент написания этой книги прошло больше 50 лет с решения Верховного суда по делу Гриволд. Верховный суд больше не прибегает к помощи «ответов» и «полутеней» в поисках новых прав. В самом деле, зачем, если для этой цели вполне подходит 14-я поправка, первый раздел которой гласит: «Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные юрисдикции оных, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают. Ни один штат

не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов; равно как ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите законов».

Таким образом, любое право, которое требует надлежащей правовой процедуры и равенства перед законом, является правом, защищенным Конституцией, и если, допустим, штат Айова примет закон, запрещающий отпускать спиртные напитки гермафродитам или продавать огнестрельное оружие лицам старше 80 лет, то иск от правозащитной организации типа Союза за гражданские права будет подан на следующий же день. И вне всякого сомнения, оба эти закона будут признаны нарушающими 14-ю поправку к Конституции США, даже если на суде выступят авторитетные эксперты и заявят, что гермафродиты после первой рюмки впадают в буйное состояние, а лица старше 80 лет часто путают пистолет с мобильным телефоном, в результате чего стреляют себе в ухо. Таким образом, то, что народ штата Айова посчитал опасным поведением, Верховный суд признает за право, защищенное Конституцией. В этом и есть смысл судебного надзора — определять, какие из законов нарушают Конституцию и, следовательно, не имеют юридической силы, а какие нет.

14-я поправка была реакцией на дискриминационные законы, принятые южными штатами после Гражданской войны. Сначала эти законы назывались «Черным кодексом», потом «Законами Джима Кроу»¹, и направлены они были против чернокожего населения. Верховный суд, по сути, был единственным механизмом для исправления ситуации, и именно он признал практически все эти законы нарушающими положение 14-й поправки о равенстве всех перед законом.

¹ Джим Кроу (Jim Crow) — популярный комический персонаж, изображающий чернокожего. Использовался этот термин для критики популистской политики президента Эндрю Джексона (1829—1837), чей портрет украшает 20-долларовую купюру.

Одним из самых громких дел, которые в XX веке рассмотрел Верховный суд США, является дело «Роу против Уэйда». Оно настолько важно для понимания конституционного права США вообще и Девятой и 14-й поправок в частности, что мы его рассмотрим более подробно.

Роу против Уэйда / Roe v. Wade, 410 U.S. 113 (1973)

В Америке в гражданских делах истцы весьма часто выступают под вымышленными фамилиями — Роу, Доу, Поу и т.д. Истцы обычно прибегают к псевдонимам в делах, связанных с абортными, использованием противозачаточных средств и другими щекотливыми темами, которые могут вызвать неоднозначную реакцию населения. Анонимность создает дополнительную защиту для истцов, которым могут угрожать или которых могут подвергнуть унижению за занятую ими позицию. Несмотря на то что Правило 10(a) Федеральных правил гражданского процесса требует идентификации сторон в гражданских делах, при определенных условиях суд может разрешить использовать вместо настоящей фамилии псевдоним Доу или подобный ему. В качестве имени обычно выбираются Джон для мужчин и Джейн для женщин.

Под именем Джейн Роу в данном деле выступала Норма Маккорви, о чем, разумеется, стало известно гораздо позже. Ответчиком был назван районный прокурор графства Даллас в штате Техас Генри Уэйд.

Итак, в 1969 году Норма Маккорви хотела прервать беременность при помощи аборта. Техасский закон разрешал аборт только если он был необходим для спасения жизни матери и в случаях, когда женщина была изнасилована или забеременела в результате инцеста. Норме был 21 год, у нее уже было двое детей, она понимала, что третьего не потянет и решила солгать — в клинике она заявила, что была изнасилована. Поскольку полицейского рапорта или иных доказательств изнасилования у нее не было, клиника отказалась делать аборт. После этого по совету адвокатов Норма Маккорви подала иск в федеральный суд округа Даллас от себя и от всех

женщин, попавших в аналогичную ситуацию, требуя признать право женщины на аборт при любых обстоятельствах. Позиция Маккорви базировалась на аргументе, что закон штата Техас, запрещающий аборт, нечетко сформулирован и вторгается в ее право на частную жизнь, защищенное Первой, Четвертой, Пятой, Девятой и 14-й поправками к Конституции США¹.

Федеральный окружной суд в составе трех судей заслушал дело Роу против Уэйда в июне 1970 года и единогласно постановил, что закон Техаса нарушает Конституцию, а именно право на частную жизнь, защищенное Девятой поправкой. Несмотря на такое заключение, федеральный окружной суд отказался запретить применение этого закона на территории штата Техас.

В Верховный суд США дело «Роу против Уэйда» попало в 1970 году по апелляции Нормы Маккорви. Главный вопрос, поставленный перед Верховным судом США, звучал так: законно ли вторжение штата Техас в право на прекращение беременности, содержащееся в положении о надлежащей правовой процедуре 14-й поправки США, а также в право на частную семейную и сексуальную жизнь, гарантированное Девятой поправкой? Разумеется, о прекращении беременности ни в Девятой, ни в 14-й поправках нет ни слова. Адвокаты Нормы имели в виду, что право на прекращение беременности является одним из видов права на частную жизнь.

Семью голосами против двух Верховный суд удовлетворил апелляцию Джейн Роу (Нормы Маккорви), но решение было сложным.

В делах, касающихся ограничений или запрещения индивидуальных прав, Верховный суд (в принципе, любой федеральный суд) анализирует и сравнивает интересы штата, принявшего закон, и интересы лица, чьи права этот закон ущемляет. В данном случае интерес Нормы Маккорви состоит в праве на аборт, а интересы штата Техас состоят в сохранении здоровья женщин, живущих в штате, сохранении

¹ Пока суд да дело (в прямом смысле), Норма родила и отдала ребенка на усыновление.

жизни плода и в поддержании должного морального уровня среди населения штата.

Судья Блэкмун прежде всего заявил, что право на личную жизнь включает в себя право женщины решать, делать ей аборт или нет, и что это право защищено 14-й поправкой. Однако добавил, что такое право не является безусловным и должно рассматриваться в контексте соотношения интересов женщин и интересов штата. Далее Блэкмун совершил небольшой исторический экскурс, отметив, что законы, запрещающие аборт, появились в Америке во второй половине XIX века и что в системе прецедентного права аборт, произведенный до первых признаков шевеления плода, не являлся преступлением и нет убедительной информации о том, что умерщвление плода являлось преступлением даже после того, как плод начал шевелиться. Блэкмун обозначил три причины появления законов, запрещающих аборт: 1) такие законы были продуктом Викторианской эпохи, когда общество отрицательно относилось к внебрачному сексу; 2) процедура аборта была опасной для жизни женщины; 3) государство заинтересовано в сохранении жизни плода. При этом, заметил Блэкмун, за нелегальный аборт в XIX веке судили тех, кто его исполнял, а не женщин.

В решении большинства, выраженном Блэкмуном, праву женщин на аборт отдано предпочтение перед правом плода на жизнь. Блэкмун назвал право на аборт «фундаментальным правом, включенным в гарантию неприкосновенности личной жизни». Следовательно, любой штат, принявший закон, ограничивающий это право, должен «доказать свой насущный интерес в существовании данного закона». Кроме того, закон должен быть сформулирован минимально узко, т.е. таким образом, чтобы он защищал лишь конкретный «насущный» интерес штата, но не более того. Иными словами, Блэкмун применил к анализу конституционности законов, запрещающих аборт, тест под названием «строгая проверка». Мы уже встречались с этим тестом при обсуждении дел, касающихся Первой поправки, но он применяется при анализе всех законов, которые ущемляют или каким-то образом ограничивают фундаментальные конституционные

права или дискриминируют на основе так называемых подозрительных признаков, например расы, религии или пола.

Презумпция при анализе «подозрительных» законов такова, что закон априори является неконституционным и, следовательно, бремя доказывания «насущенного интереса» в законе лежит на штате. В отличие от «строгой проверки» самым легким тестом является так называемое рациональное основание. Этот тест применяется при анализе всех остальных законов и заключается в установлении рациональной связи между законом и целью, которой этот закон призван достичь. При этом презумпция теперь играет на руку штату, т.е. закон априори считается конституционным и бремя доказывания его неконституционности лежит на лице, которое конкретный закон ущемляет. Практически все законы с легкостью проходят этот тест.

Блэкмун разделил весь период беременности на три равные части — триместры. В течение первого триместра решение, делать аборт или нет, остается целиком за беременной женщиной и ее врачом, и никакой закон не может криминализовать аборт. «Насущенного интереса» в запрете аборт в этот период у штата нет.

С наступлением второго триместра в сохранении жизни плода «насущенного интереса» у штата пока еще нет, поэтому закон может ограничивать право на аборт исключительно с целью поддержания здоровья женщины.

«Насущенный интерес» в отношении сохранения жизни плода у штата появляется только с наступлением третьего триместра, когда плод становится жизнеспособным, т.е. может жить вне утробы матери. В течение этого триместра штат имеет право регулировать совершение аборт и даже полностью запретить их. Аборт в это время может быть сделан только ради сохранения здоровья или жизни женщины.

Таким образом, закон штата Техас, запрещающий аборт в течение всего периода беременности, за исключением нескольких оговоренных случаев (когда он необходим для спасения жизни матери и в случаях, когда женщина была изнасилована или забеременела в результате инцеста), является неконституционным.

Примечательно, что Суд также постановил, что плод не является «лицом» (т.е. персоной, человеком), упомянутым в первом разделе 14-й поправки, т.е. положения данной поправки о надлежащей правовой процедуре и равенстве перед законом к плоду не относятся. Также примечательно, что ни один судья ни в этом деле, ни в последующих не оспорил это заключение в своем мнении, ни в совпадающем с мнением большинства, ни в особом. И наконец, говоря о жизнеспособности плода, судья Блэкмун не ответил на один из самых главных вопросов, которые уже тысячи лет волнует человечество: когда же все-таки начинается жизнь? Священник скажет, что с момента оплодотворения, участница феминистского движения — что с момента рождения. Но суд на эту тему молчит.

«Кеворкян против...» (дело, которого не было)

Ознакомившись с уголовными кодексами, легко понять, что начало жизни меньше интересует юриспруденцию, чем ее конец.

В 1985 году «Журнал Национальной медицинской ассоциации» напечатал объемный трактат патологоанатома Джека Кеворкяна, посвященный истории экспериментов над трупами казненных преступников. В 1987 году Кеворкян посетил Голландию, где ознакомился с методами эвтаназии, применяемыми местными врачами, которые помогали своим безнадежно больным пациентам уйти из жизни. По возвращении Кеворкян создал аппарат, которому дал название «Танатрон» — по имени бога смерти в греческой мифологии Таната. Танатрон состоял из связки из трех контейнеров, в первом из которых находился солевой раствор, во втором — болеутоляющее вещество, в третьем — летальная доза хлористого калия, останавливающего работу сердца. Стоимость всех трех ингредиентов составляла \$45. Танатрон был устроен так, что пациент мог самостоятельно привести его в действие нажатием кнопки. Врач лишь должен был на всякий случай находиться рядом.

Доктор Кеворкян также предложил соорудить так называемый обиториум, где проводились бы консультации для неизлечимых больных и членов их семей. Помощь больным в уходе из жизни доктор Кеворкян назвал медицидом, т.е. суицидом с помощью медицинского работника.

В 1990 году Кеворкян совершил первый медицид. Его клиенткой была некая Джанет Эдкинс, страдавшая болезнью Альцгеймера. Узнав о своем диагнозе, она стала членом Клуба цикуты¹. Джанет и ее муж откликнулись на объявление Кеворкяна и приехали к нему в Мичиган. 4 июня 1990 года Кеворкян уложил Джанет на кровать, установленную в его минивэне, и подключил к танатрону. Во время процедуры рядом с ней находился муж и сам Кеворкян. После того как все было кончено, Кеворкян позвонил в полицию, был арестован, но вскоре отпущен. После пресс-конференции, которую провели муж и сын Джанет, Кеворкян стал знаменитостью. Прокурор штата Мичиган предъявил ему обвинение в убийстве, но окружной судья, ввиду нечеткой позиции штата в отношении самоубийства с помощью врача, отклонил обвинение. После следующих двух смертей судья наложил запрет на проведение эвтаназий при помощи танатрона, и вскоре Кеворкяна лишили лицензии на медицинскую практику. Но дело на этом не закончилось. В 1992 году Кеворкяну предъявили обвинения в убийстве двух женщин. Не сумев достать нужные ингредиенты для танатрона, он изготовил новую машину, которую назвал мерситроном (английское слово *mercy* означает «милосердие»). Мерситрон представлял собой что-то вроде противогоза, за исключением того, что в маску по трубке подавалась окись углерода, т.е. угарный газ.

Находясь на свободе под залог, Кеворкян продолжал переписку с неизлечимыми больными и их родственниками. Он приготовил специальные документы, свидетельствующие о желании уйти из жизни, которые его клиенты должны были подписать. У них также был месяц на то, чтобы изменить свое решение. Тем временем судья отклонил обвинения

¹ Цикута — ядовитое растение. По одной из версий, Сократ умер, выпив сок цикуты.

в убийствах, а губернаторы в разных штатах, боясь эпидемии самоубийств, начали усиленно продвигать через местные законодательные органы законы, запрещающие эвтаназию.

Доктор Кеворкян не избежал судебного преследования. Первый суд над ним состоялся в его родном городе Понтиак, штат Мичиган, в апреле 1994 года. Кеворкяна обвиняли в уголовно наказуемой помощи при самоубийстве некоего Томаса Хайда. Адвокат Кеворкяна Джеффри Фигер сумел «отбить» своего клиента на основании того, что Кеворкян не может быть признанным виновным в уголовно наказуемой помощи при самоубийстве, если все, что он сделал, это ввел лекарство для снятия боли и избавления от мучений, даже если такие лекарства повышали риск смертельного исхода. Присяжные оправдали Кеворкяна.

Второй суд над Кеворкяном состоялся в феврале 1996 года, также в Понтиаке. Он опять обвинялся в содействии самоубийству двух онкологических больных, которое состоялось в квартире самого Кеворкяна. Прокурор обвинял Кеворкяна в том, что он, действуя с беспечностью и пренебрежением к жизни, не обсудил с врачами покойных все имеющиеся варианты медицинского ухода за пациентами. Члены семьи умерших пациентов, напротив, благодарили доктора Кеворкяна за то, что он избавил дорогих им людей от мук. Суд длился месяц, и присяжные снова оправдали Кеворкяна. И тут же Кеворкяну были предъявлены обвинения в содействии самоубийствам двух человек еще в 1991 году. В новом деле прокурор утверждал, что Кеворкян вынес крайне субъективное решение по поводу дееспособности Марджори Уонтц. Три психиатра поставили ей диагноз, свидетельствующий о том, что она не была дееспособна, не могла самостоятельно принимать решение об уходе из жизни и нуждалась в консультациях психиатра. На судебное слушание Кеворкян явился в колониальном костюме, на голове его был напудренный парик, на ногах туфли с большими пряжками. Этим нарядом Кеворкян хотел показать, что судят его по законам прецедентного права вековой давности. В защиту своего клиента адвокаты Кеворкяна вызвали в качестве свидетелей родственников Марджори. Присяжные снова Кеворкяна оправдали.

Все время, пока Кеворкян подвергался уголовным преследованиям, медицинское сообщество его поддерживало. Группа медицинских экспертов в штате Мичиган даже составила правила «достойного, щадящего ухода из жизни с помощью профессионального врача».

Наконец, в 1999 году удача покинула доктора Кеворкяна, которого к тому времени в средствах массовой информации называли не иначе, как «доктор Смерть». Он был признан виновным в убийстве второй степени некоего Томаса Йоука и приговорен к тюремному сроку от 10 до 25 лет. Тот факт, что Кеворкян заснял на пленку смерть Йоука, его делу не помог. На видеозаписи было видно, что Йоук уже не в состоянии самостоятельно нажать кнопку милосердия и привести танатрон в действие. Эту кнопку нажал Кеворкян. Адвокаты Кеворкяна подали апелляцию в Верховный суд США, но он отказался принять дело.

Время в тюрьме доктор Кеворкян провел продуктивно: он написал несколько книг и десятки статей. Одна из книг была посвящена Девятой поправке. Она так и называлась: «Девятая поправка: рог изобилия наших прав». В 2000 году он получил премию «Гражданин-активист», а в 2002 году был выдвинут на Нобелевскую премию мира. Он дал множество интервью самым крупным американским изданиям, а однажды был приглашен участвовать в качестве эксперта на судебном слушании, где давал показания о влиянии ртути на кожную ткань человека. За примерное поведение доктор Кеворкян был освобожден через восемь лет, хотя перед этим ему дважды в этом отказывали — в 2004 и 2005 годах.

После выхода из тюрьмы Кеворкян выступал с лекциями в самых престижных американских университетах и написал ряд статей о Девятой поправке. В интервью он не раз говорил, что помог достойно и безболезненно уйти из жизни 130 страдающим от более безнадежно больным пациентам. Доктор Кеворкян отнюдь не был фанатом суицида. Он тщательно изучал историю болезни каждого пациента, который обратился к нему за помощью. В одном из интервью он сказал, что отказывал в помощи в четырех случаях из пяти, считая, что не все медицинские методы лечения были исчерпаны.

В книге «Девятая поправка: рог изобилия наших прав» доктор Кеворкян критиковал Верховный суд за то, что тот отказался принять его дело к рассмотрению. Вот что он писал: «Вне всякого сомнения, безразличие и робость Верховного суда поощряются и приветствуются чрезвычайно могущественным лобби, представляющим антагонистические финансовые, медицинские, фармацевтические, правительственные и религиозные организации. Несмотря на колоссальное давление, которое эти организации могут оказать, по-настоящему преданный закону, надежный и этический Суд будет выполнять свою благородную миссию как самый стойкий защитник наших исконных естественных прав, сосредоточившись на единственной цели — благополучии людей...».

Как сказал о Кеворкяне знаменитый профессор права Гарвардского университета Алан Дершовиц, «его отличали интеллект, страсть и отвага». Это был удивительный человек. Он не только обладал глубокими познаниями в медицине, медицинской этике, математике, физике и химии, но и был прекрасным художником и музыкантом — играл на многих инструментах и сочинял интересную музыку. Родился он, как уже говорилось, в городе Понтиак в штате Мичиган в армянской семье. Умер Мурад Кеворкян в 2011 году в возрасте 83 лет.

Еще в 1997 году в деле «Штат Вашингтон против Глюксберга» / *Washington v. Glucksberg*, 521 U.S. 702 (1997) Верховный суд определил, что право на эвтаназию не защищается Конституцией США. Суд посчитал, что запрет на эвтаназию в штате Вашингтон является рациональным, поскольку служит насущным интересам штата в сохранении человеческой жизни и защите душевнобольных и инвалидов от медицинских ошибок и принуждения к суициду. Закон, согласно мнению Суда, также защищает тех (скорее всего, от самих себя), кто хочет свести счеты с жизнью из-за финансовых проблем или психологических стрессов. Верховный суд выразил опасение, что, признав право на эвтаназию конституционным правом, он тем самым откроет двери не только для добровольной эвтаназии, но и для эвтаназии, совершенной под давлением или по принуждению.

В настоящее время только в нескольких штатах действует закон, разрешающий эвтаназию при помощи врача. Это Орегон (с 1997 года), Вашингтон (с 2008 года), Вермонт (с 2013 года), Калифорния (с 2016 года), Колорадо (с 2016 года), округ Колумбия (с 2017 года), Гавайи (с 2018 года). Несмотря на то что в Монтане соответствующего закона нет, Верховный суд этого штата в 2009 году постановил, что в Уголовном кодексе Монтаны отсутствует закон, запрещающий врачу уважить просьбу неизлечимого, но дееспособного больного выписать препарат, ускоряющий смерть.

Девятая поправка полна загадок. Почему право женщины на аборт является фундаментальным конституционным правом, а право неизлечимо больного человека добровольно уйти из жизни при помощи квалифицированного врача таковым не является, хоть и разрешено в нескольких штатах? Оба действия одинаково неуютны любой религии, однако какая разница в толковании этих прав Верховным судом США!

ДЕСЯТАЯ ПОПРАВКА К КОНСТИТУЦИИ США

«Полномочия, которые не делегированы Соединенным Штатам настоящей Конституцией и пользование которыми ею не запрещено отдельным штатам, сохраняются за штатами либо за народом» (The powers not delegated to the United States by the Constitution, nor prohibited by it to the states, are reserved to the states respectively, or to the people).

Мы подошли к последней, Десятой поправке к Конституции США, входящей в Билль о правах. Можно спорить, какая поправка самая важная. Для многих Первая — свобода слова, прессы, собраний, религии. Для других Четвертая — свобода от незаконных обысков или Пятая — свобода от необходимости давать показания, которые могут быть инкриминирующими для свидетеля или обвиняемого. А третьи скажут, что Вторая поправка (свобода носить оружие) является гарантом того, что у народа не отберут остальные девять.

Каким бы простым ни казался текст любой из поправок, среди нет ни одной, которая бы не подвергалась самым разным толкованиям. По многим из поправок Верховный суд менял свою позицию несколько раз, многие вопросы, касающиеся наших прав, до сих пор не разрешены. Да и могут ли они быть разрешены раз и навсегда?

Самой противоречивой поправкой является, пожалуй, Десятая. А ведь все, о чем она говорит, это то, что у всех трех ветвей федеральной власти: исполнительной, законодательной и судебной — есть только те права и полномочия, которые перечислены в Конституции, и ничего больше. Если какое-то право не закреплено в тексте Конституции как принадлежащее федеральным властям, значит оно по умолчанию принадлежит штатам или народу.

В разных главах этой книги подчеркивалось, что понятие «родина» у американцев всегда гораздо теснее ассоцииро-

валось с родным штатом (или штатом проживания), нежели с Вашингтоном¹. Жители Пенсильвании называли себя пенсильванцами, а жители Вирджинии — вирджинцами. Американцем себя не называл никто. И так продолжалось практически до конца Гражданской войны.

Первым президентом США, который начал «всерьез» утверждать федеральную власть, был Авраам Линкольн, и вынужден он был это делать для борьбы с сепаратистскими движениями в штатах. В 1861 году, когда Линкольн стал президентом США, семь рабовладельческих штатов (Алабама, Джорджия, Луизиана, Миссисипи, Техас, Флорида и Южная Каролина) провозгласили отделение от США и создание отдельного государства — Конфедеративных Штатов Америки, или просто Конфедерации. Сепаратисты сформировали свое правительство на месяц раньше, чем Линкольн принял присягу (март 1861 года), а в апреле уже началась Гражданская война. Позже к Конфедерации присоединились Арканзас, Вирджиния, Миссури, Кентукки, Северная Каролина и Теннесси. Ни одна страна Конфедерацию не признала, хотя Франция и Великобритания разрешили своим компаниям продавать им оружие. Самая кровопролитная война в истории США закончилась в 1865 году. Потери были

¹ Вашингтон стал столицей США только в 1800 году. Первой столицей была Филадельфия, где в 1774-м заседал Континентальный конгресс. Второй столицей (всего на несколько месяцев) был Балтимор, штат Мэриленд, куда Конгресс перебрался ввиду наступающих британских войск. Третьей столицей был Ланкастер, штат Пенсильвания (всего один день — 27 сентября 1777 года). Делегаты Континентального конгресса провели в Ланкастере только одно заседание и двинулись на запад, опять же в связи с наступлением британских войск. Четвертой столицей был Йорк, штат Пенсильвания (с 30 сентября 1777 года по июнь 1778 года, когда Конгресс вернулся в Филадельфию после ухода из нее англичан). Пятой столицей был Принстон, штат Нью-Джерси, куда делегаты перебрались, спасаясь от своих собственных солдат (Континентальной армии), требовавших жалованье. Шестой (всего на несколько месяцев) — Аннаполис, столица штата Мэриленд, где Джордж Вашингтон уволился с поста главнокомандующего Континентальной армией в январе 1784 года. Седьмой столицей на несколько месяцев в 1784 году стал Трентон, столица штата Нью-Джерси. Восьмой столицей в январе 1785 года стал Нью-Йорк. Именно там 30 апреля 1789 года был приведен к присяге первый президент США Джордж Вашингтон.

огромные — только военнослужащих с обеих сторон погибло 620 тыс. человек.

Именно таков был контекст усиления федеральной власти в США. Если первые 150 лет в стране господствовала так называемая система дуалистического (двойного) федерализма (у федерального правительства свои полномочия и обязанности, у штатов свои), то после Второй мировой войны граница между этими полномочиями стала расплывчатой, федеральное правительство начало все больше сотрудничать с правительствами штатов в самых разных областях, и система правления преобразовалась в так называемый кооперативный федерализм. Примером кооперативного федерализма является дотация федерального правительства штату на строительство дорог, а штат, получив эти деньги, будет сам осуществлять строительство и надзор за ним. Другой пример кооперативного федерализма — гранты или субсидии, выплачиваемые университетам штатов из федеральной казны.

Итак, с одной стороны, сотрудничество Вашингтона с правительствами штатов, с другой — постоянный конфликт, постоянная борьба за расширение сторонами своих прав и полномочий. С одной стороны, клаузула о верховенстве Конституции США и федеральных законов, принятых на основании предоставленных Конгрессу полномочий, с другой — постоянная проверка, не нарушил ли Конгресс Конституцию, превысив предоставленные ему полномочия и узурпировав права штата. Примеров таких конфликтов предостаточно.

Например, марихуана на федеральном уровне запрещена, а в некоторых штатах ее производство, продажа и потребление легальны, причем в одних штатах только по медицинским показаниям, в других — даже для развлечения.

Второй пример — иммиграционные законы и иммиграционная политика. Иммиграция всегда считалась и считается прерогативой федерального правительства, федеральные иммиграционные законы, таким образом, одинаково действуют во всех штатах. Однако некоторые штаты (и даже города!) объявили себя «безопасными гаванями» для нелегальных иммигрантов. Это, конечно, не означает, что такие штаты или города могут присваивать нелегалам какой-то

иммиграционный статус, нет, но они просто отказываются сотрудничать с правоохранительными органами в иммиграционных вопросах. Иностранцы (и даже постоянные жители США), совершившие тяжкие преступления и преступления, включающие элемент моральной нечистоплотности, подлежат депортации из США. Это означает, что после отбытого срока за совершенное преступление власти штата обязаны передать преступника в руки Иммиграционной службы для начала депортационного процесса или даже в некоторых случаях немедленной депортации. Однако отдельные штаты и города отказываются это делать и отпускают преступника на волю. Единственный способ бороться с ними — это лишать их федеральных дотаций, но и такое наказание может оказаться незаконным.

Еще один пример — однополые браки. До 2015 года в некоторых штатах однополые браки были разрешены, власти разрешали совершать обряд бракосочетания на своей территории и выдавали соответствующие свидетельства о браке, в то время как в других штатах такие браки считались недействительными. В 2015 году Верховный суд США в решении по делу «Обергефелл против Ходжеса» / *Obergefell v. Hodges*, 576 U.S. (2015) постановил, что право на однополые браки защищено Конституцией США. Вот что написал судья Энтони Кеннеди за большинство (а решение было принято пятью голосами против четырех): «Ни один союз не является более значимым, чем брак, потому что он олицетворяет любовь, верность, преданность, жертвенность и семью. Вступая в брак, два человека становятся чем-то большим, чем они были ранее. Как продемонстрировали ходатайствующие в таких делах, брак олицетворяет любовь, которая не кончается даже со смертью человека. Сказать, что эти мужчины и женщины не уважают институт брака, означало бы извратить их понимание брака. Они утверждают, что уважают институт брака, уважают настолько глубоко, что хотят воплотить в браке свои желания. За эти их надежды они не должны быть осуждены на жизнь в одиночестве, на исключение из одного из самых старых общественных институтов. Они настаивают на праве на достоинство, и Конституция дает им это право».

Одна из главных тем на последних президентских выборах касалась установления минимальной зарплаты на национальном уровне. Сейчас этот минимальный уровень зарплаты каждый штат устанавливает самостоятельно, но демократы ратуют за то, чтобы федеральный закон обязывал работодателей в каждом штате платить минимум \$ 15 в час. В этой главе неуместно обсуждать вопрос, хорошо это было бы для народа или экономики страны или плохо, — не в этом дело. Дело в процессе централизации, который мы сейчас наблюдаем в США — все больше и больше областей права и вообще областей жизнедеятельности человека, которые раньше традиционно регулировались штатами, теперь регулируются Вашингтоном.

Хорошей иллюстрацией противостояния федерального правительства и правительства штата является дело «Штат Миссури против Холланда», которое слушалось в Верховном суде США в 1920 году. Холланд в то время был главным егерем США. За большинство решение писал один из самых знаменитых судей Верховного суда США Оливер Уэнделл Холмс¹.

Штат Миссури против Холланда / *State of Missouri v. Holland*, 252 U.S. 416 (1920)

Ввиду того что перелетные птицы на своем пути пересекают границы разных штатов, Конгресс посчитал, что неблагоприятно каждому штату по пути их следования иметь собственные законы, касающиеся охоты, и принял ряд федеральных регулирующих законов на эту тему. Несколько штатов, среди

¹ Холмс вышел в отставку в 1932 году в возрасте 90 лет. Успел повоевать в Гражданской войне, дважды был ранен, за доблесть и заслуги был произведен в чин полковника. В 1864 году поступил в школу права Гарвардского университета. Был противником доктрины естественного права, считал, что Конституция — это эксперимент, как и все остальное в жизни человека. Будучи одним из самых цитируемых судей, оказал колоссальное влияние на развитие правоведения в США в XX веке. Холмс широко толковал Первую поправку, считая, что люди имеют право на любое мнение, даже такое, какое мы презираем и считаем смертельно вредным.

них Миссури, подали в суд, аргументируя свою позицию тем, что Конгресс не имеет права принимать такие законы, поскольку Десятая поправка ясно говорит о том, что все права и полномочия федерального правительства перечислены в Конституции, и среди перечисленных прав нет права принимать законы, касающиеся охоты на перелетных птиц, а следовательно, такое право принадлежит штатам. Окружной федеральный суд согласился с позицией штатов, признав федеральный закон неконституционным. Тогда Конгресс поручил Госдепартаменту заключить двусторонний договор с Великобританией, в данном случае представлявшей Канаду (Канада является Британским доминионом), который бы устанавливал сезонность и другие ограничения на охоту на перелетных птиц. Договор этот был подписан и ратифицирован в 1916 году, а в 1918-м Конгресс принял закон, направленный на выполнение условий этого договора.

Известно, что перелетные птицы оказывают колоссальное влияние на экосистему, уничтожая насекомых. Кроме того, они являются источником пищи для жителей штатов, которые пересекают на своем пути. Также известно, что птицы уничтожались охотниками вне всякой разумной меры и поэтому нуждаются в защите.

Штат Миссури подал иск в Верховный суд против Соединенных Штатов, требуя запретить главному егерю США Холланду исполнять закон, основанный на договоре 1916 года (Холланд, кстати, обещал нещадно арестовывать и штрафовать браконьеров в штате Миссури). Позиция штата Миссури основывалась на следующем аргументе. Поскольку Конгресс не имел полномочий принимать закон без заключения двустороннего договора с Великобританией, так как принятие таких законов является прерогативой штатов согласно Десятой поправке, то, следовательно, Конгресс также не имеет полномочий принимать такой закон и на основе двустороннего договора с Великобританией по той причине, что этот закон, взятый вне контекста двустороннего договора, нарушает Десятую поправку. Иными словами, заключение двустороннего договора с Великобританией не делает закон конституционным.

Семью голосами против двух Верховный суд вынес решение в пользу Соединенных Штатов. Главный вопрос, поставленный перед Судом, звучал так: имеет ли Конгресс право принимать закон, регулирующий охотничьи сезоны на перелетных птиц, если такой закон применяется на территориях, традиционно подчиненных в данном вопросе законам штата?

Верховный суд отметил, что статья II, параграф 2, Конституции США наделяет Конгресс правом заключать международные договоры, а статья IV говорит о том, что международные соглашения, заключенные от имени Соединенных Штатов, являются верховным законом страны. Судья Холмс отметил, что неважно, имел ли Конгресс право принять закон о перелетных птицах в отсутствие двустороннего договора. Важно, что Конгресс имеет право заключать международные договоры, а закон просто является механизмом их исполнения. Так как птицы летают из США в Канаду и обратно, т.е. их перемещение носит международный характер, США имеют право закрепить свою заинтересованность в охране птиц путем заключения международного договора. А раз международный договор законен, то и закон, принятый с целью выполнения такого договора, тоже законен, т.е. не нарушает Десятую поправку.

Вместо того чтобы сконцентрироваться на вопросе, имел ли Конгресс право принимать федеральный закон, касающийся охоты, в то время как традиционно такие законы принимаются на уровне штата, Верховный суд переформулировал вопрос: «Имеет ли Конгресс право заключать международные договоры?», на что Конституция однозначно отвечает, что имеет. А раз Конгресс имеет на это право, то, значит, он имеет право и устанавливать какой-то механизм, чтобы обеспечить соблюдение этого договора. А какой еще в данном случае может быть механизм, кроме принятия соответствующего закона? Холмс в решении сказал следующее: «Поскольку в данном деле задействован важнейший национальный интерес, то и защищать его тоже нужно на общенациональном уровне, совместно с другим государством. Птицы пересекают штат, но они в нем постоянно не живут. Если бы не договор и не закон, то скоро у нас не было бы

повода для обсуждения, поскольку не было бы перелетных птиц. В Конституции нет ничего, что бы заставляло федеральные власти сидеть сложа руки, в то время как иссякает наш источник пищи и истребляются защитники наших лесов и урожаев. Мы не можем полагаться в этом вопросе только на штаты. Такая зависимость была бы напрасной, а если бы даже и нет, то тогда вопрос должен был быть поставлен иначе: существует ли что-либо, что запрещает Соединенным Штатам действовать? Мы полагаем, что и договор и закон должны быть утверждены».

Несколько другая ситуация возникает, когда сами штаты прибегают к федеральному закону (например, к Федеральному уголовному кодексу) для уголовного преследования, хотя для совершения правосудия вполне можно было бы обойтись и обыкновенным уголовным кодексом штата. Такую ситуацию хорошо иллюстрирует дело «Бонд против Соединенных Штатов».

30) **Бонд против Соединенных Штатов /
Bond v. United States, 545 U.S. (2011)**

Кэрол Энн Бонд работала микробиологом. Когда она узнала, что ее лучшая подруга Мирлинда Хейнс забеременела от ее, Кэрол Энн, собственного мужа, она решила отомстить, применив свои профессиональные знания, т.е. отравить подругу. Для этой цели она выбрала два вещества — мышьякорганическое соединение и дихромат калия. Оба химиката обладают высокой токсичностью и способны нанести большой вред организму, включая летальный исход. В течение года Кэрол посетила дом Мирлинды 24 раза и каждый раз брызгала химикатами на дверную ручку, почтовый ящик и машину Мирлинды. Поскольку дихромат калия имеет ярко-оранжевый цвет, Мирлинде удалось избежать контактов с зараженными поверхностями, за исключением одного случая, когда она получила химический ожог большого пальца.

Наконец, видеокамеры зафиксировали несколько эпизодов нанесения Кэрол отравляющих веществ на предметы

в доме и возле дома Мирлинды. Ее обвинили в хранении и использовании химического оружия, что запрещено Актом 1998 года о реализации Конвенции о запрещении химического оружия. Этот федеральный закон является механизмом для исполнения международной Конвенции и запрещает хранение химикатов, способных убить человека или причинить временный или постоянный ущерб здоровью, если такое хранение не предназначено для мирных целей.

Главный аргумент, который выдвинула Кэрол на суде в свою защиту, касался превышения Конгрессом США своих полномочий и узурпирования прав, закрепленных Десятой поправкой за штатами. На этом основании она через своих адвокатов подала ходатайство о прекращении дела, в чем ей было отказано. Тогда Кэрол согласилась заключить сделку с прокурором, согласно которой признавала себя виновной, но условно (*conditional guilty plea*). Условное признание себя виновным означает, что до того, как приговор будет приведен в исполнение (обычно тюремное заключение или большой штраф), условно осужденный подает ходатайство в суд для получения определения по каким-то неразрешенным юридическим вопросам. Для обвиняемых это еще один шанс доказать свою правоту. Если суд решит поднятые вопросы в пользу обвиняемого и оправдает его, то признание своей вины будет аннулировано и обвиняемый будет считаться оправданным. В худшем же случае — если поднятые обвиняемым юридические вопросы будут разрешены не в его пользу — он имеет право отозвать свое признание вины и продолжать судебные слушания, как будто он себя виновным никогда не признавал.

Кэрол подала апелляцию в Апелляционный суд Третьего федерального округа, который постановил, что она не обладает правом на иск на основании нарушения Десятой поправки. Верховный суд с таким решением не согласился и отправил дело назад в указанный апелляционный суд, который вынес решение, что «поскольку Конвенция является международным соглашением, предмет которого целиком и полностью входит в полномочия Конгресса заключать международные соглашения, а также в силу решения по делу Холланда (см. выше), говорящего о том, что закон, принятый

в целях исполнения легитимного международного соглашения, не подлежит обсуждению, то мы подтверждаем признание Бонд виновной».

Кэрол снова подала в Верховный суд США апелляцию, где просила либо изменить правовую позицию Суда по делу Холланда (см. с. 233), либо признать, что ее действия не подпадают под запреты Конвенции о запрещении химического оружия. Главный вопрос, поставленный перед Верховным судом звучал так: на самом ли деле статья 229 Федерального уголовного кодекса, устанавливающая наказание за совершение «смертельно серьезных» преступлений, также относится к «чисто местному преступлению — любительской попытке обманутой жены навредить любовнице своего мужа»?

Верховный суд ответил на этот вопрос единогласным «Конечно же нет!». Решение (весьма остроумное) писал нынешний главный судья Джон Робертс, который отметил, что Конституция, безусловно, отдает штатам право на уголовное преследование за совершение «местных» преступлений, и закон, призванный исполнять международную конвенцию, нельзя распространять на ничем не примечательные преступления. «Толковать этот закон иначе, — заметил Робертс, — означает, что он подомнет под себя все — от стирального порошка под кухонной раковиной до пятновыводителя в прачечном помещении, превращая отравление золотой рыбки несколькими каплями уксуса в химическую атаку. Миссис Бонд, может быть, и не является образцовым гражданином, но она точно не Башар Асад».

Несмотря на то что все девять судей Верховного суда решили дело в пользу Кэрол Бонд, двое консервативных судей (Томас и Скалия) в своих мнениях, совпадающих с позицией большинства, писали, что, поддерживая результат, они тем не менее не поддерживают его обоснование. Судья Скалия отметил, что юридическое определение химического оружия настолько широко и расплывчато, что Кэрол Бонд, безусловно, подпадает под категорию «пользователь химического оружия», а это, согласно судье Скалии, означает, что закон подлежит аннулированию, а не просто иному толкованию, ориентированному на заданный результат. «Да, стиральный

порошок под кухонной раковиной и пятновыводитель в прачечном помещении, судя по всему, химическим оружием не являются, но что если их высыпать в питьевой фонтан в вашем районе?» — язвительно поинтересовался Скалия.

Многие удивятся тому, что дело «Бонд против Соединенных Штатов» привлекло большое внимание американской прессы и общественности. В самом деле, подумает читатель, не слишком тонко разбирающийся в американском конституционном праве, Верховный суд вынес разумное решение, что судить женщину из штата Пенсильвания за совершение безобразного преступления у себя в городке по закону, относящемуся к международной Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении на самом деле глупо. Какой тут может быть общественный резонанс? Чем он мог быть вызван? А вызван он был тем, что речь на самом деле шла о приоритете международного права над американским, т.е. о посягательстве на суверенитет страны. Именно поэтому сенатор-республиканец от штата Техас, один из кандидатов в президенты США на выборах 2016 года Тед Круз написал статью об этом деле, которая была опубликована в блоге юридического журнала Гарвардского университета Harvard Law Review до того, как состоялось слушание по нему в Верховном суде. В своей статье Круз буквально умолял Верховный суд отменить приговор Бонд, основанный на нарушении федерального закона. Он писал, что международная Конвенция была создана, подписана и ратифицирована странами-участницами для предотвращения боевых действий с использованием химического оружия.

Тед Круз, как блестящий юрист-конституционалист, не раз выступал на слушаниях в Верховном суде, представляя штат Техас¹. Имеет смысл процитировать главную часть его статьи: «Во время слушаний по делу “Бонд против

¹ Пост, который занимал Круз, называется по-английски Solicitor General. Но это не генеральный прокурор — перевод, который предлагают многие словари. Если генеральный прокурор (в лице многочисленных прокуроров под его командованием) судит от имени штата, то главный адвокат представляет интересы штата в Верховном суде.

Соединенных Штатов» Верховный суд будет решать такие фундаментальные вопросы, как суверенитет страны и структурные ограничения федеральной власти Конституцией. Эти вопросы бьют в сердце нашей конституционной системы: имеет ли федеральное правительство в силу принадлежащих ему полномочий заключать международные договоры право ударить по нашей системе федерализма и разделения властей? В деле «Бонд» Суд должен сказать «нет» тем, кто хочет принизить суверенитет Соединенных Штатов. Право заключать международные договоры не должно превалировать над традиционными правами штатов. Конституция США перечисляет все права, предоставленные федеральному правительству, закрепляя неперечисленные права за штатами и народом. Другими словами, отцы-основатели создали систему разделенного суверенитета: федеральное правительство обладает конкретными правами, которые позволяют ему управлять определенными делами, а штаты имеют права и полномочия в тех областях, на которые не распространяется власть федерального правительства. В одних делах суверенитет имеет федеральное правительство, в других — правительство штата».

Вот так простое уголовное дело с самыми тривиальными фактами, дело, которым должен был заниматься районный прокурор и в котором самым страшным последствием преступления стал химический ожог пальца (после ополаскивания водой жертве стало намного легче), обернулось делом, которое слушалось в Верховном суде и затронуло суверенитет Соединенных Штатов Америки.

Эпилог

Каждая из десяти поправок должна была защитить американцев от своего собственного правительства. Смысл и суть Билля о правах в том, что есть права, которые принадлежали людям изначально, которые не были дарованы нам правительством; мы, люди, их имели до всякого правительства. Билль о правах, став частью Конституции, запретил правительству отбирать у нас наши права или ограничивать их по прихоти или капризу.

Отцы-основатели США, прежде чем писать Конституцию и Билль о правах, изучили природу человека и предыдущий опыт разных цивилизаций. Итогом их размышлений стала модель, построенная на концепции индивидуального суверенитета. Иными словами, государство функционирует на благо человека, а не наоборот. Человек работает ради себя самого, а не на благо государства, и его стремление к счастью, зафиксированное в Декларации независимости, это стремление к его собственному счастью, а не к счастью коллектива или всей страны в целом. Вот когда таких индивидуальных «счастий» наберутся миллионы, то и страна в целом будет счастлива.

Понятие «счастье», разумеется, зависит от развития и культуры человека. Если это понятие будет включать только материальные блага, то, скорее всего, получится преступное, коррумпированное общество. «Счастье» должно включать в себя такой важный компонент, как свобода. Свобода, которая не может не подвергаться разумным ограничениям, поскольку человек живет в обществе и его индивидуальные свободы рано или поздно пересекутся с индивидуальными свободами других людей или законными интересами общины, в которую он входит. Именно об этом и говорят все решения Верховного суда США, именно на это направлена его деятельность — найти золотую середину, баланс между свободами, данными нам Творцом, и интересами государства, структуру которого мы придумали сами.

Золотая середина не означает точку, нанесенную ровно посередине линии. По задумке отцов-основателей, эта точка очень сильно смещена в сторону индивидуальных прав человека. И только в наше время, в эпоху постконституционного общества, эта точка начала смещаться в сторону интересов государства. Смещение это медленное, подчас незаметное. Сегодня мы лишаемся части какого-то права, завтра — части другого права, но никого это вроде не задевает, общество продолжает функционировать. Но рано или поздно эта точка пересечет точку равновесия и наступит тирания, когда во имя государственных (разумеется, псевдогосударственных) интересов у нас быстро и даже без кровопролития отберут все оставшиеся права.

Не так давно, по историческим меркам, в европейской стране появился лидер, который практически свел на нет безработицу, обеспечил население бесплатными медицинскими услугами, а бездомных — жильем, покончил с голодом и нищетой. Он запретил хранение и ношение личного оружия. Его популярность в стране достигала неслыханных 99%. Звали этого лидера Адольф Гитлер. Так как он был блестящим оратором, ему удалось уговорить население Германии отдать свои индивидуальные права за хлеб, хорошие дороги и сытую жизнь. В Германии не было конституции, которая бы защитила население от тирана, да и избран-то он был законно. Не было в стране сдерживающего органа власти, не было трех функциональных ветвей власти, не было верховного закона, которому бы подчинялся даже тиран.

Отцы-основатели заложили фундамент цивилизации, которая может существовать и процветать сотни, может, тысячи лет, но при одном условии: каждое последующее поколение будет знать Конституцию и Билль о правах, будет воспитано на ценностях, которые проповедовали отцы-основатели, и будет учить историю.

Как и всякий документ, составленный человеком, Билль о правах не является совершенным. Он не уравнил в правах женщин и мужчин и, главное, утвердив равенство всех перед законом, оставил нетронутым институт рабства. Однако, несмотря на все огрехи и несовершенства, несмотря на подчас

туманные формулировки, Билль о правах обеспечил создание и развитие одного из величайших государств в истории человечества — Соединенных Штатов Америки.

Не хотелось бы думать, что, как и все предыдущие государственные формирования такого масштаба, США обречены на угасание и, возможно, даже исчезновение с карты мира, по крайней мере в том виде, в каком это государство существует сегодня. Страна, по мнению многих консервативных мыслителей, вступила в так называемую постконституционную эру. Начавшись во время президентства Дж. Буша-младшего, беспрецедентные вторжения в индивидуальные права граждан США продолжились и при президенте Б. Обаме. Это и незаконное прослушивание телефонных разговоров, и перлюстрация электронной переписки со стороны Национального агентства безопасности, и натравливание Федеральной налоговой службы на консервативные организации, и сокрытие преступлений, судя по всему (эта оговорка необходима в силу презумпции невиновности) совершенных высокопоставленными чинами в правительстве, и вмешательство в расследование этих преступлений Федеральным бюро расследований, и соучастие самого ФБР в саботаже расследования. Для человека необразованного все эти нарушения Конституции, все эти преступления особенно ничего не значат, поскольку явным образом, как ему кажется, не затрагивают его обыденных интересов. Но, конечно, затрагивают, только он еще об этом не знает! Все эти нарушения Конституции и преступления тоже свидетельствуют о постконституционном периоде в истории США.

Наметившаяся в последнее время тенденция, однако, говорит о том, что не все потеряно. В состав федерального судейского корпуса назначаются новые судьи, которые, есть причины так полагать, будут руководствоваться положениями Конституции, а не собственными взглядами на то, как должна быть устроена жизнь, судьи, чьи решения будут мотивированы конституционными принципами, а не политической ангажированностью. Именно поэтому, несмотря на явное отступление в последние годы от заветов отцов-основателей, есть надежда, что общество вернется к своим

истокам — Конституции и Биллю о правах, которые и обеспечили процветание Соединенных Штатов Америки.

В своей знаменитой речи, которую во время радиообращения к народу президент США Франклин Делано Рузвельт произнес 15 декабря 1941 года, в 150-ю годовщину ратификации Билля о правах и ровно через восемь дней после того, как японцы напали на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе, он объявил, что Америка вступает в войну с Германией, чтобы спасти Билль о правах: «Мы перед лицом не больше и не меньше как попытки ликвидировать достижения в сфере прав человека; Билль о правах является фундаментальным документом в этой области. Эта попытка может увенчаться успехом только в том случае, если те, кто унаследовал дар свободы, потерял мужество, чтобы сохранить его. Но мы, американцы, знаем, что решительность нынешнего поколения сохранить свободу так же непоколебима, как решимость наших предков завоевать ее. Никакие угрозы, никакие опасности не заставят нас отдать гарантию нашей свободы в том виде, в каком ее сформулировали наши предки в Билле о правах».

Через 11 лет после этой знаменательной речи, 15 декабря 1955 года, оригинальный текст Билля о правах, выполненный на пергаменте, нашел свое место в Ротонде Национального архива США рядом с оригиналами текстов Декларации независимости и Конституции. На этой церемонии президент США Гарри Трумэн сказал, что «Билль о правах является наиболее важной частью Конституции, так как это единственный документ в мировой истории, который охраняет человека от его собственного правительства».

ОБ АВТОРЕ

Борис Палант родился в 1952 году в Харькове. В 1974 году окончил с красным дипломом переводческое отделение факультета иностранных языков Харьковского государственного университета, после чего в течение двух лет по распределению проработал учителем английского и французского языков в средней школе с. Подворки Дергачевского района Харьковской области.

В 1976 году эмигрировал в Соединенные Штаты Америки. В 1978 году окончил магистратуру факультета лингвистики Университета штата Нью-Йорк в городе Буффало, получив степень магистра со специализацией в семиотике и психолингвистике. В течение следующих двух лет работал в крупнейшей переводческой компании США сначала переводчиком, а потом менеджером по корпоративным связям и рекламе.

В 1980 году Борис Палант поступил на юридический факультет Университета штата Нью-Йорк в г. Буффало, который окончил в 1983 году. После сдачи адвокатского экзамена в 1983 году началась успешная юридическая карьера недавнего эмигранта.

За почти 35 лет адвокатской практики Борис Палант представлял интересы тысяч клиентов, сначала занимаясь корпоративным и договорным правом, а затем полностью сосредоточившись на международном и иммиграционном праве. Как юрист-международник, он представлял американские компании, ведущие дела с Россией, а также вел дела, связанные с возвращением на родину детей, незаконно вывезенных одним из родителей в Соединенные Штаты, и защитой иностранных граждан от экстрадиции в США по требованию американских правоохранительных органов. Среди клиентов Бориса Паланта по иммиграционному праву знаменитые писатели, поэты, спортсмены, артисты, композиторы, музыканты-исполнители, художники, ученые, бизнесмены и, что интересно, известные адвокаты. В 2011 году

он был включен в качестве «суперюриста» в рейтинг ведущих адвокатов США, составляемый агентством «Рейтер». Последние 10 лет Борис Палант является партнером в юридической фирме «Палант и Шапиро».

В 2010 году в российском издательстве «АСТ» с успехом вышла первая книга Бориса Паланта «Дура Lex» — сборник рассказов, написанных на основе реальных дел, которые вел автор.

Предлагаемая читателю книга «Билль о правах» не менее уникальна. Она рассказывает о крупных делах, рассмотренных Верховным судом США в отношении каждой из первых 10 поправок к Конституции США, входящих в Билль о правах. Именно решения Верховного суда США позволяют понять, как Билль о правах гарантирует защиту прав и свобод человека от посягательства на них государства.

Выдержки из судебных решений, а также цитаты из иных юридических документов приводятся в авторском переводе. Все сведения указываются по состоянию на 1 мая 2018 года.

Книги издательств
«Социум», ИРИСЭН и «Мысль»
можно купить в интернет-магазине
sotsium.ru

БОРИС ПАЛАНТ

БИЛЛЬ О ПРАВАХ

Ответственный за выпуск М. Ледовский
Редактор-корректор Е. Абоева

Подписано в печать 01.10.2018. Формат 84x108/32
Объем 13,44 усл. п. л.

Издательство «Мысль»
тел. (495) 330-51-98

Отпечатано в типографии ООО "ТДДС-Столица-8"
111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 11А, корп. 1
www.capitalpress.ru
Заказ № 4517